

Гл.1. ТВОРЧЕСТВО СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ВСЕМИРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТАКТЫ

Л.Е.Беженару, (Яссы, Румыния)
L. E. Bezhenu, (Iasi, Romania)

УДК 82.091

ДИАЛОГ МЕЖДУ СЛАВЯНСКИМИ И НЕСЛАВЯНСКИМИ ЛИТЕРАТУРАМИ НА УРОВНЕ ЖАНРА «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ»

Аннотация: Статья рассматривает новый диалог между славянскими и неславянскими литературами Запада и Востока, литературами, вставшими на новый путь демократического развития. Сравнительно-типологический анализ мотивов, тем, образов произведений «деревенской прозы» русской литературы и «деревенской прозы» других национальных литератур показывает их стремление к сохранению самоидентичности. Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской прозы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур.

Ключевые слова: диалог, славянские литературы, неславянские литературы, Запад, Восток, самоидентичность.

DIALOGUE BETWEEN SLAVIC AND NON-SLAVIC LITERATURES AT THE LEVEL OF THE "VILLAGE PROSE" GENRE

Annotation: The article examines a new dialogue between Slavic and non-Slavic literatures of the West and East, literatures that have embarked on a new path of democratic development. Comparative typological analysis of the motives, themes, and images of the works of "village prose" of Russian literature and "village prose" of other national literatures shows their desire to preserve their self-identity. The dialogue of national literatures even in the aspect of a specific genre of "village prose", "themes of the small homeland" is possible only if the national specifics of literatures are taken into account.

Key word: Dialogue, Slavic literatures, non-Slavic literatures, West, East

Литература каждого народа в эпоху национального самоопределения претерпевает существенные изменения. Процесс демократизации и деидеологизации рубежа XX – XXI веков влияет на интенсивность и развития литературы, вбирая новые национальные тенденции и восстанавливая традиционные на новой почве. Общность этнического происхождения, близость языков, сходство исторических судеб в русской и других славянских литературах позволяет исследователям говорить о диалоге славянских литератур, который существовал

традиционно и сегодня вступает в новую стадию развития. Только сегодня намечается качественно новый диалог между славянскими и неславянскими литературами Запада и Востока, литературами, вставшими на новый путь демократического развития. Отношения между русской литературой и национальными литературами постсоветского пространства остаются амбивалентными, в период поиска национальной самоидентификации в национальных литературах появляются новые авторы и новые темы, идет процесс деконструкции советских мифов в литературе и периодике. Пока еще нет фундаментальных учебников, монографий, отражающих процесс перехода национальных литератур на качественно новую форму диалога. Аналогичные процессы отражаются не только в литературе, но и других видах искусства, философии, социологии; они имеют междисциплинарный характер. Можно говорить лишь об общем круге проблем, которые исследуются в разных национальных литературах и на разных уровнях: исторический и социальный дискурс в национальных литературах после распада Союза: литература как катализатор общественных настроений; вопросы ментальности и идентичности в литературе; отражение военных конфликтов и политических событий; переоценка общей «советской истории»; поиски новых методов исследования литературы и культуры (применение постколониальной теории постсоветского пространства) и др.

Подобный охват образует своеобразный фон, на котором и в аспектах которого нами предпринята попытка выстраивания системы новых векторных взаимоотношений национальных литератур на уровне жанра «деревенской прозы». Выбор поставленной задачи объясняется тем, что именно «деревенская проза», проза о «малой родине» наиболее типично отражает национально-этическую первооснову русской, азербайджанской, грузинской, румынской и других национальных литератур, стремящихся сегодня к возвращению к своим истокам. Процесс межнационального диалога – явление дуалистическое, связанное одновременно со стремлением к самоопределению и приобщению к европейским ценностям. Не все вышеназванные литературы относятся к этому диалогу одинаково в силу исторических, религиозных, региональных причин. Поэтому произведенный в данной статье анализ является компромиссным подходом к решению этой задачи, имеет предварительный характер, а рассмотрение представленного комплекса проблем национальных русской и неславянских литератур в аспекте диалога, поиск схожих тенденций в аспекте жанра «деревенская проза» с использованием культурологических, страноведческих, историко-типологических аспектов литературной теории и критики проводится впервые.

Восстановление разрушенной экономики в Советском Союзе было связано с обращением к деревне, литература получила государственный заказ на освещение этой темы. Период конца 40-х начала 50-х годов назывался в истории «красное десятилетие» (К.Баршт), литературоведческая социология повлияла и на мировой литературный процесс.

Обращение к деревенской прозе и к теме малой родины в национальных литературах разных стран также связано и со стремлением к возвращению к истокам в послевоенное десятилетие, в кризисные моменты истории. В западноевропейских, балканских литературах происходят аналогичные процессы, связанные с проблемой освобождения от влияния социалистического реализма.

В 40-50 годы XX века („obsedantul deceniu”/ «одержимое десятилетие» в румынской литературе), «деревенская проза», литература «малой родины» получила отражение и в произведениях, не отмеченных влиянием социалистической методологии; в большей степени эта тема была характерна региональным литературам, каждая из которых отличалась национальной спецификой и жанровым своеобразием. До сих пор наблюдается разноречие мнений на этот счет. Считаем, что существует и **национальная модель** «деревенской прозы», которая в национальной литературе имеет свою самостоятельную форму, конструируемую по аналогии с «деревенской прозой» русской литературы, но с сохранением национального менталитета, этноса, традиций, героев, образов ландшафта, национальной мифологической географии *малой родины*.

Понятие «малая родина» является неотъемлемой частью единства «большая родина», которая при кажущейся, на первый взгляд, общечеловеческой идентичности, имеет свои национальные особенности.

Определенную сложность при рассмотрении данного вопроса составляет и то обстоятельство, что национальные литературы вкладывают в одно и то же понятие свою национальную специфику. В литературы постсоветского пространства стали входить новые понятия, связанные со сменой методологии и процессом формирования национальных базовых понятий: большая родина, литература *малой родины*, литература *малых городов*, региональная литература и др. Отметим, что понятие «деревенская проза» носит во многих национальных литературах условный характер.

Русское самосознание формировалось под влиянием православия, русской соборности. Армянское самосознание определялось принадлежностью григорианской церкви – Эчмиадзину. Арабы видели свою историческую миссию в том, что дали миру Коран. Менталитет азербайджанского народа исторически складывался как мост между Западом и Востоком, Севером и Югом. Азербайджанцы основывали свою литературу на традициях ислама, русской литературы и восточном менталитете. Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской темы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур.

В аспекте конкретного жанра подобный диалог рассматривается впервые. По возможности учитываются специфика развития и бытования жанра «деревенской прозы» в национальных литературах, внешние факторы, влияющие на становление жанра, особенности менталитета, страноведческий, культурологический фон, региональная принадлежность.

В азербайджанскую литературу термин «деревенская проза» вошел из советской литературы и закрепился в азербайджанском литературоведении. Он используется в новейшей азербайджанской критике и как «новая азербайджанская проза», и как «азербайджанская деревенская проза» (Флора Наджи, М. Гаджиев). Начало азербайджанской «деревенской прозы» положил роман Исы Гусейнова «Горящее сердце», вышедший во второй половине 1950–х годов.

Флора Наджи на понятийном и тематическом уровнях устанавливает аналогию между русской «деревенской прозой» и «азербайджанской деревенской прозой» 1970-1980-х гг., определяет «в некотором смысле» сходство путей, отмечает, что для азербайджанской деревенской прозы 70-х годов XX века противопоставление деревенского мира городскому было не столь существенным.

Вообще «деревенская проза» в азербайджанской литературе – явление условное, также условно можно относить эту прозу к литературе «малой родины», так как «малая родина» в этих текстах является аналогом большой родины.

Азербайджанские «шестидесятники» – Фикрет Садых, Юсиф Самедоглу, Фикрет Годжа, Максуд Ибрагимбеков, Анар, Рустам Ибрагимбеков, Иси Меликзаде, Иса Исмаилзаде, Вагиф Насиб, Вагиф Самедоглу, Сабир Сулейманов, Исмаил Шихлы и др. «не писали на равно высоком уровне», но их творчество было высоко художественным (Эльчин). В азербайджанской «деревенской прозе», больше чем в русской, изображались архаические, мифологические прототипы современных героев. Языческо-мистическое отношение к миру получило дальнейшее отражение и в городской прозе, город и деревня составляли пересекающиеся сферы (М.Сулейманлы, «Голос», Ю.Самедоглу, «День казни»). В азербайджанской «деревенской прозе» также были свои чудики и юродивые, только они существенно отличались от подобных образов в русской литературе. Меджун, одержимый, является носителем определенного абсолютного качества, так как безумие занимает особое место среди культовых символов. Культ безумия восходит к тюрско-шаманской мифологии и образует особую систему. Разновидностью юродивого были *дервиши*, приверженцы суфизма, но причислять их к монахам спорно.

Образы дервишей также находят отражение в азербайджанской современной прозе. Поступки героев, отмеченных исламской философией в современных текстах (Исмаил Шихлы, «Буйная Кура», Камал Абдулла «Долина Кудесников»), могут быть объяснены только с учетом национальных традиций и верований.

Говоря о современной азербайджанской «деревенской прозе» необходимо учитывать и тот факт, что в ней скрещиваются Европа и Азия, христианство и ислам, зороастризм и иудаизм, арабский, тюркский, кавказский и славянские миры. Только через призму этих отношений можно прикоснуться к миру «Долины Кудесников» Камала Абдуллы, современному постмодернистскому роману, в котором на Невидимую гору, под всеобщими восхищенными взглядами толпы, взбирается Белый дервиш, «по воздуху, прямо в небо, подобно птице, парившей, раскинувшей крылья...», «когда дервиш Хисникерем спустился к подножью, также ступая в пустоте, ни один человек не приблизился к нему... Однажды он так же неожиданно, как появился в этом городе, исчез, ушел во свояси и больше его никто не видел» (К.Абдулла, «Долина кудесников»).

В таком же мифологическом ключе предстает перед нами герой романа «Дата Туташхиа» грузинского автора Ч. Амираджиби. Главный герой Дата Туташхиа не может быть соотнесен в чистом виде с блаженными, праведниками, юродивыми славянской мифологии. «Божественным рыцарем» называет его грузинский критик Реваз Тварадзе. Туташхиа – имя из колхидской мифологии, «день луны», а земным его воплощением становится *абрег* (горный пастух). Дата Туташхиа, который живет на своей земле по законам предков, в силу сложившихся обстоятельств вынужден бороться со злом в его конкретном проявлении.

Дата, как и пастух Молдовану из румынской «Миорицы», как пастух Караджа Чобан из азербайджанского *Дастана*, «привязанного к старому дереву», находящегося между «двумя мирами – Небом и Землей», воплощает в себе лучшие черты простого народа, пастуха-абрега: «Я не одинокий волк, думающий только о своей добыче, не мирный бык, живущий только для того, чтобы щипать

траву. Я сын своего народа. Я не смогу сложа руки хладнокровно, со стороны взирать на свою родину!» [1, с.720-735] Дата Туташиа прожил жизнь мученика и отшельника. Добровольный приход его в тюрьму вполне в духе грузинской мифологической модели, согласно которой погибают *лучшие*. Символически финал романа: «И тогда вознеслась душа Туташиа на небо, а плоть осталась на земле. В луну превратилась его душа, и человек во плоти стал богом». [1]

В начале XXI века прозаик Гурам Одишария в мини-рассказе «Возвращение в Сухуми» создает особый постмодернистский тип грузинских чудиков, своеобразных «сухумских сумасшедших», которые были разных национальностей и никогда не сорились друг с другом [2]. По сравнению с должностными лицами, которые приходили и уходили и которых автор называет *временщиками*, «сумасшедшие были вечными, бесхитростными, без масок и свободными. Сумасшедших знал весь Сухуми, больших же людей мало кто узнавал в лицо. Больше знали их служебные автомобили. У сумасшедших не было машин – они ходили пешком» [2]. В галерее *сухумских чудиков* мы встречаем *Аполлона*, который «всё время пел. Голос у него был такой, что, когда он затягивал песню на берегу моря, слышно было на Трапезии. А иногда – и на горе Баграта. Обычно он подметал улицы и всё время ворчал на кого-то. Он любил ходить на свадьбы и поминки, пить вино. Мог целый час произносить один тост, только кто его слушал?! А он продолжал бормотать что-то себе под нос» [2]. *Марадона* был самым мобильным из всех сумасшедших. Зимой и летом он ходил полуголым, легко знакомился с людьми, всем улыбался. Его нагота, аскетизм, отклоненное от норм поведение, как бы укор миру, молчаливый протест грешникам. *Чума*, бывший матрос, был гроссмейстером монолога, говорил о детях и считал, что должен спасти детей всего мира. Голубоглазый *Котик* всегда ходил с сияющим лицом, он всегда чему-то радовался, Про *Габо* даже нельзя было сказать, что он сумасшедший, но и на нормального человека он не очень походил. Странность его, дурость заключается в отсутствии стремления к богатству, наживе, в стремлении добиться более высокого положения. Стояли сухумцы и смеялись над своими сумасшедшими [2].

Аналогично сформировалась «деревенская проза», имеющая, по сути, нравственно-философское содержание и образ *чудиков* и у других народов Кавказа. В качестве примера можно привести повесть Актая «В Кумыкской степи», в которой автор сохраняет национальную специфику повествования, создает национальный характер, передает национальный колорит. В повести раскрывается проблема дагестанского села и поэтизируется сельская жизнь. Сельская тематика получила отражение в творчестве Ю.Тюлюстена, И.Керимова, А.Евтыха и др.

Пафос сохранения и защиты природы, внутреннего единения человека с ней и его стремление преодолеть все беды и стихийные бедствия окружающей его биосферы характеризуют произведения Г.Натрошвили «И снова весна в Иори» и «Весь этот мир твой».

В румынской литературе понятие «деревенская проза» не укоренилось, хотя по стереотипу, взятому из советского литературоведения, была создана национальная модель термина, жанра, герои и образы. В румынской литературе существуют понятия *roman țărănesc* / крестьянский роман, *roman de inspirație rurală* / роман сельского вдохновения, *roman rural* / сельский роман (Рамона Буруянэ).

«Сельский роман» румынской прозы сохраняет архаический образ румынского села, со своими традициями, верованием и законностью. В нем отражается народная мудрость, а образы близки по духу как славянскому-православному, так и кавказскому пониманию праведничества, дервишизма. Пастух Молдовану из румынской баллады «Миорица», белый дервиш из кавказской картины мира, пытается восстановить разрушенное единство, союз, принося себя в жертву.

Румынский «сельский роман» передает в определенной мере эхо литературных течений *semănătorism* / семэнэторизма и попоранизма / *poporanism* (*semănător* – сеятель, *poroc* – народ), движении «семэнэторизма» («сеятельства»), которое призывало к изображению жизни крестьян в идиллически-патриархальных тонах.

Румынская литературная критика 60-80-х годов XX века уделила внимание деревенской проблематике. Отдельным изданием вышли критические исследования о проблематике села и сельской жизни (Думитру Мику «Современный румынский роман»; Марин Букур.)

Проводились дискуссии о месте в румынской литературе таких течений, как попоранизм (народничество), семэнэторизм (журнал «Студий ши черчетэрь де историе литерарэ ши фольклор», «Вяца ромыняскэ»).

Широко отмечалось восьмидесятилетие автора «сельских романов» Михаила Садовяну – пользующегося мировой известностью и благодаря исследованиям Михаила Рали «Михаил Садовяну и национальная специфика», статьям о крестьянских образах в произведениях Садовяну, о его мастерстве рассказчика, об изображении мира румынской деревни, об отражении в его произведениях крестьянского восстания 1907 года и о месте Садовяну в мировой литературе.

В таком же контексте монография Константина Чопрага о жизни и творчестве Калистрата Хогаша рассматривала природу и обычаи исторического региона Молдовы в творчестве писателя в пространстве «малой родины».

Крупнейшие представители румынского «сельского романа» – Михаил Садовяну, Ливиу Ребряну, Марин Преда – следуя модели реалистическо-социалистического «одержимого десятилетия», как было названо в румынской литературе советское «красное десятилетие», создают национальные модели сельской среды. Как и многие представители русской «деревенской прозы» (В. Белов, В. Распутин), Михаил Садовяну «перешел» границы писательства, активно включаясь в «государственное дело», которое отрицательно повлияло на творчество писателя. Его исторический роман «Никоарэ Подкоавэ» (1952), подводит итог размышлениям писателя о судьбе румынского крестьянства, о том, *«как дружно жили наши сыны на родной земле и как они теперь скитаются, промышляя кистенем. ...так уж суждено нашей стране и народу нашему: не знать нам ни отдыха, ни покоя, как ветру да волнам морским»* (М. Садовяну)

В румынской литературе образ середняка – *țăranul răzăș* – был особенно популярен (Михаил Садовяну, Марин Преда, Титус Попович).

Марин Преда создает «морометскую модель» крестьянина-философа Илие Моромете, которая повлияла и на нравственное становление молодого поколения (образ его сына Николая). «Морометская модель» крестьянина-философа – человека системы, который выиграл борьбу с идеологией – была не только прообразом, но и барьерной планкой для всех представителей сельской прозы 60-70 годов в румынской литературе.

Как уже было сказано, «деревенская проза» русской литературы перекочевала в разные национальные литературы, а русская культура и русский язык приютили в непростое время 60-х-70-х немало талантливых авторов из разных «малых» культурных пространств «большой родины»: Ион Друцэ – из Молдавии, Чынгыз Айтматов – из Киргизии, писавшие на русском и родных языках, «укрылись» в пространствах «большой родины» от местных баев, которые переусердствовали в области идеологической цензуры. Ион Друцэ, романист, драматург, новеллист и поэт, как и многие деятели искусства и науки в конце 60-х начало 70-х годов прошлого столетия, ушёл в добровольную ссылку в Москву, из которой «не спешит» вернуться в по-прежнему родную и уже независимую Молдову. Его плодотворное творчество «оспаривают» как «свое», национальное, обе стороны Прута: в 1990 году Друцэ избран Румынской Академией Наук почетным ее членом, однако писатель отказывается от получения диплома, мотивируя свое решение тем, что его избрание продиктовано политическими мотивами, в то время, как его произведения практически не публикуются в Румынии. После распада «большой родины» Ион Друцэ продолжает писать вдали от своей «малой родины» не только о близкой ему Молдове, но и о своих сородичах. До суверенности Молдовы он написал „Povara bunătății noastre” / «Бремя нашей доброты», „Frunze de dor” / «Листья грусти» и „Clopotnița” / «Колокольня», которые стали для молдаван и духовными рукописями, и эмблемой сегодняшних исканий ценностей бытования. После он написал не менее талантливые произведения: повесть «Суббота в Назарете», пьесы «Падение Рима», «Апостол Павел», «Последняя любовь императора». В его творчестве *универсальное* переплетается с *национальными* корнями его «малой родины», а его «малая родина» – это Сорокская степь, о которой он никогда не забывает.

Роман „Povara bunătății noastre” / «Бремя нашей доброты», как и другие произведения Друцэ, основан на крестьянском материале и обращен к осознанию смысла человеческого существования. Это широкое эпическое полотно, изображающее почти полувековой период жизни молдавской деревни, повествует о жизни потомственного крестьянина из Сорокской степи Онакия Карабуша. Действие романа охватывает значительный период времени, начиная с 1914 года и завершая 60-ми годами XX - го столетия.

Исследователи относят творчество Иона Друцэ к историческим этносимволистам в силу его уважения к истории и традициям и его веры в глубинные корни национального характера, с одной стороны, а, с другой стороны, в силу признания им социальных и экономических сил как мощных «формовщиков» общественной солидарности и индивидуальной психологии[4]. В своей «Белой молитве» писатель предупреждает: «Избавь нас, Боже, от кровного нашего проклятия идти двумя дорогами, чтобы прийти в никуда; взвалить на себя более, чем можем вынести; и от бесчисленных начинаний, которые ни к чему не ведут».

В своих произведениях молдавский автор создает два вида «деревенских чудиков» – образ *самаритянки* и образы *простолюдина*.

Немецкие издатели выпустили «Последний месяц осени» Друцэ, взяв за эпиграф слова Брехта: «Простолюдин не так уж прост, как принято считать». *Простолюдины* – это простые и вечные труженики родной земли, которые понимают, что «все в мире – итог чего-то». Скромный Кэлин Абабий, вдова Василица, Георге, вдовый сын, герой «баллад» Онакие Кэрэбуш – это мудрые носи-

тели народных традиций, памяти духовного наследия «малой родины», которая является хранительницей всего светлого в жизни сельчан Сорокской степи. Простолюдины Друцэ по своему мироощущению напоминают пошехонцев и бухтинцев Василия Белова.

К такому же типу хранительницы христианских ценностей относится и образ *самаритянки* (И.Друцэ «Самаритянка», «Белая церковь»). Произведение написано в сказовой форме, доверительно-субъективный авторский подтекст можно сравнить с дискурсом К.Абдуллы, хотя это совершенно разные по религиозной и образно-мифологической направленности тексты. Майка-самаритянка, простая девушка, берет на себя миссию охранять монастырскую обитель не по какому-то велению извне, а по предназначению своему свыше. Трудно объяснить ее поступок, не зная истоков мифологического национально-го сознания народа, ее воспитавшего. Стала она майкой по наитию свыше, увидев свое предназначение в выполнении взятой на себя миссии. Автор доверительно объясняет не сведущему в народной мудрости читателю: «Дело в том, что *майками* по-молдавски величают общепризнанных заслуженных монашек» («Самаритянка»). Напоминает героиня Друцэ Дарью из «Прощания с Матерой» Распутина, откровение которой созвучно сегодняшнему дню: «Нонче свет пополам переломился: евон чё деется! И по нам переломился, по старикам... ни туды мы, ни сюды... Не приведи Господь! Оно, может, по нам маленько и видать, как в ранешное время были люди, дак ить никто назад себя не смотрит. Все сломя голову вперед бегут...» («Прощание с Матерой»).

Таких параллелей можно привести множество; все это свидетельствует не только о том, что постсоветские страны переносили схожие трудности, сохраняя свою самоидентичность и национальную основу бытия в трудные советские годы, но выявляет и тот факт, что существуют неписанные общечеловеческие ценности понимания веры, добра, милосердия, которые говорят о том, что мир у нас один и ценности его едины для всех.

Образ старика Булгэре – один из самых глубоких, созданных Ионом Друцэ. Он дополняет галерею «чудиков – скитальцев» русской литературы: «ждет не дождется первого снега...чудак и поэт, недоумение и гордость степного края старик Булгэре. Благополучие степных крестьян прорвалось в его скитальческую судьбу – на ногах старые кирзовые сапоги, на голове шапка – ушанка, одет он в новую фуфайку, а сверх той фуфайки огромный, жесткий защитного цвета плащ. Тепла от него никакого. Зато от холодных ветров защищает, а это немаловажно для путника, дороги которого идут только по голым полям. И нет ему покоя, нет угомона, хоть ты что. Жажда той единственной правды, правды для себя, правды для всех, не дает ему устать, не дает состариться, не дает упасть, так чтобы не вставать уже»[3, с. 265-266]. Образ старика Булгэре напоминает Богодула – они представляют собой фигуры символические. Схожее портретное описание, поведение, образ мыслей, странность характера позволяет нам говорить о том, что каждый из них – Богодул – в Матере, а Булгэре в Чутуре – утверждают правду вечности. Можно отнести этих героев к вечным героям-скитальцам, преданным родной земле.

В болгарской литературе после «оттепели» 1956 года писатели Э.Станев, А.Дончев, Д.Талев, Й.Радичков, П.Вежинов, А.Гуляшка, Б.Райнов связали свое творчество с изображением истории Болгарии, с прошлым и настоящим болгар-

ского села, с изменениями, происходившими в нем в период 50-х – 70-х годов двадцатого века. Направление «поиска корней», специфичное болгарской литературе, как и «настоящая инвазия советской культуры» (А.Федь) способствовали возникновению произведений, изображающие жизнь деревни в болгарской литературе.

Болгарская проза «поиска корней» имеет некоторые общие черты с русской «деревенской прозой». Исследователи (Х. Дудевски, П.Зарев, Л.Георгиев И.Цветков) неоднократно писали о влиянии советской литературы на болгарскую, о влиянии русского советского «колхозного романа», в котором наряду с тематикой строительства социализма, учились у того же М.Шолохова художественному мастерству создания большого исторического полотна, правды о сельской жизни. Можно говорить о влиянии «Поднятой целины» Шолохова на роман И. Петрова «И после того», в котором повествуется о создании первых земледельческих хозяйств. Христо Дудевски отмечал, что в прозе 50-х годов воссоздание образа шолоховского русского крестьянина в тот момент, когда он переходил от единоличного к коллективному хозяйству, стал в болгарской прозе «национальной необходимостью». Болгарская литература 60–70-х годов (Николай Хаитов, Васил Попов, Йордан Радичк, Йордан Вилчев, Георгий Мишев) сближается с русской литературой в трактовке тем, родственности сюжетов и схожести художественных решений. Вместе с тем, такие писатели как Д. Димов и И. Петров выдвигают свои концепции, изображают героев иной, болгарской, национальной формации. Национальный колорит дополняется интернациональным звучанием, что показывает изображение «малой родины» – Болгарии – в пределах «большого» международного пространства других стран и регионов.

В этом отношении показательна проза Ивайло Петрова. Автор в своих романах показал двоякое отношение к деревне: любовь / ненависть. В его романах выражено сомнение в том, что патриархальная Болгария может осчастливить, но и убить все мысли о счастливой жизни.

Творчество И. Петрова 1960-х годов (повесть «Нонкина любовь» и роман «Мертвая зыбь») основано на деревенских корнях. Мы рассматриваем ее в контексте болгарской прозы о селе, «поиска корней», которая всегда занимала одно из первых мест в болгарской литературе.

Биограф писателя С. Илиев отмечает «двоякое отношение писателя к деревне; любовь и неприязнь по отношению к ней отражается и на его творчестве: в отличие от большинства других писателей (писателей-«деревенщиков» русской литературы, представителей «поиска корней» болгарской литературы), он позволяет себе «сомневаться в том, что патриархальная деревня – это утраченный идеал человеческого существования» (С. Илиев). Критик обратил внимание на ряд интересных наблюдений И.Петрова над «миром и человеком в мире». Двойственность человека, духовное и материальное, добро и зло в обществе и в отдельной личности С. Илиев считает одним из исходных, основных принципов творчества И. Петрова. Исследователь рассматривает близость произведений прозаика к народной мифологии, к традициям народного творчества и христианской культуры.

Несмотря на то, что на протяжении определённого времени творчество Ивайло Петрова в болгарской критике и литературоведении вызывало значи-

тельный интерес, (Пантелей Зарев, Крыстё Куюмджиев, Минко Николов, В. Колевский, Т. Жечев, П. Зарев, Ч. Добрев, публикации на страницах журналов «Пламак», «Септември» и «Литературна мисл», еженедельника «Литературен фронт»), ни в болгарском, ни в европейском литературоведении до начала XXI века оно не было исследовано как единое, целостное и эволюционирующее явление. В румынском и азербайджанском литературоведении тоже отсутствуют исследования по творчеству болгарского писателя. Лишь в 2004 году в российском литературоведении появилась диссертационная работа «Творчество Ивайло Петрова в контексте болгарской прозы 1960-1980-х годов» Гиляровой Е. Е., которая рассматривает произведения писателя в контексте феномена «деревенской» прозы в русском и болгарском литературоведении. Автор сравнивает особенности болгарской и русской прозы о селе, проводит подробный анализ повести И. Петрова «Нонкина любовь» и романа «Мертвая зыбь», делает упор на изменении человеческого сознания и поведения в переломные рубежные моменты, сопоставляет творческую и мировоззренческую эволюцию И. Петрова с этапами болгарской прозы периода 60-80-х годов XX века, определяя его вклад в обогащение ее художественных форм и содержания. Важным и новым компонентом анализа творчества писателя являются параллели с произведениями деревенской тематики ряда современных русских (В. Распутин, Ф. Абрамов) и болгарских писателей (Н. Хаитов, Й. Радичков, В. Попов, Г. Мишев).

Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской прозы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур. «Деревенская проза» для азербайджанской литературы, как и для других литератур Кавказа, явление условное. Мифологическая, суфийская основа многих современных текстов имеет общепhilософское содержание, объединяя по сути понимание «большой родины» через призму «малой родины». В произведениях «деревенской прозы» / прозы о селе стран постсоветского пространства национальный колорит зачастую дополняется интернациональным звучанием, аналогичным русской литературе 60-80х годов XX века темами и образами. В румынской и болгарской литературах понятие «деревенская проза» не укоренилось, хотя по стереотипу взятому из советского литературоведения были созданы национальные модели термина, жанра, герои и образы.

Жанровая дефиниция «деревенская проза» русской литературы оказала влияние на становление этого жанра в других национальных литературах. В период «оттепели» 50-60-х годов XX века немало талантливых авторов «малых» культурных регионов писали на русском и родном языках, внося тем самым вклад, как в русскую, так и в инациональные литературы. До сих пор принадлежность написанных на русском языке произведений «деревенской прозы» инациональных авторов является вопросом дискуссионным, обсуждается проблема их принадлежности к национальному фонду русской литературы. Сравнительно-типологический анализ мотивов, тем, образов произведений «деревенской прозы» русской литературы и «деревенской прозы» / прозы о селе национальных литератур показывает, что несмотря на традиционные, этнические, религиозные расхождения, на жанровую дифференциацию, *объединяющим фактором* является стремление к сохранению самоидентичности, возвращению к корням, то есть, вырисовываются те общечеловеческие ценности, которые говорят о возможности и необходимости межкультурного диалога.

Список использованной литературы

1. Реваз Тваравдзе, *Судьба божественного рыцаря*, послесловие // Чабуа Амираджиби «Дата Тугашхиа», Тбилиси: Мерани, 1982., (720-735).
2. Гурама Одишария «Возвращение в Сухуми», Перевод с грузинского Тамары Гайдаровой.
3. Ион Друцэ, *Время нашей доброты*, стр.265-266.
4. Keith Hitchens, *History and identity in the novels of Ion Druță*. Revista de etnologie si culturologie, Chisinau, 2007, № 2, перевод на русский Татьяны Земба.

Н.М. Борсук (г. Брест, Республика Беларусь)
N. N. Borsuk (Brest, Republic of Belarus Belarus)

УДК 821.161

“ОН НЕ ОТДЕЛЯЛ СЕБЯ ОТ БЕЛОРУСОВ”: ЛИТАРАТУРНЫ ЛЁС ПРАВАСЛАЎНАГА СВЯШЧЭННІКА ПЛАКСІДА ЯНКОЎСКАГА

Анатацыя: У артыкуле асэнсоўваецца лёс праваслаўнага свяшчэнніка, нашага земляка Плаксіда Янкоўскага ў цеснай сувязі з яго творчасцю. Увага звяртаецца перш-наперш на нарысы, у якіх паказана жыццё продкаў у першай палове XIX стагоддзя, узнаўляецца каларыт эпохі, выказваюцца адносіны нарысіста да краязнаўчай працы, да ўз’яднання царквы.

Ключавыя словы: уніяцкі свяшчэннік, нарыс, праваслаўны падзвіжнік, селянін, забабоны, каларыт эпохі, краязнаўца.

"HE DID NOT SEPARATE HIMSELF FROM THE BELARUSIANS": LITERARY FATE OF ORTHODOX PRIEST PLAKID YANKOVSKY

Abstract: The article covers the fate of the Orthodox priest, Plakid Yankovsky in close connection with his work. This article focuses on essays that show the life of ancestors in the first half of the 19th century, recreate era features, express the attitude to local history and the reunification of the church.

Key words: Uniate priest, essay, Orthodox ascetic, peasant, superstition, era features, ethnographer.

Плаксід Янкоўскі. Наш зямляк. Нарадзіўся ў вёсцы Войская Гродзенскай губерніі (зараз гэта Камянецкі раён Брэсцкай вобласці) у 1810 годзе, а ў 1833 накіраваны ў родную вёску ў якасці ўніяцкага свяшчэнніка. Жыццё Плаксіда Гаўрылавіча было цесна звязана з Берасцем. Вучыўся ў Брэсцкай базыліянскай